

Смутное время оно всегда

Смутное время бывает не только в государстве, оно бывает везде и во все времена. Это история про страшное время смуты в благословенном Монастыре, ранее, так называемой, Дивеевской Общины, созданной Преподобным Святым Чудотворцем Батюшкой Отцом Серафимом Саровским (1754 - 2 янв.1833)

Все это я вычитывала в уникальной книге «Летопись Серафимо Дивеевского Монастыря», составленного Архимандритом Серафимом (Чичаговым 1856-1937, прославлен в лике Святых Священномучеников)изданным несколько раз и последний раз в 1903 году.

Это издание было подарено мне и подписано его Настоятельницей в 1998 году 2 Января. Оказалось, что Великий Старец Серафим Саровский, видевший наяву Матерь Божию 12 раз при свидетелях, скончался именно 2 Января (1833 года).

Книгу прочитала я сразу много лет назад, но недавно сподобил меня Господь прочитать её второй раз. Книга не маленькая 851 страниц. Она вся исписана моими замечаниями и ремарками, как и полагается внимательному читателю. (Книга эта не библиотечная, а персональная).

Помните, когда Татьяна Ларина пришла в опустевший дом Евгения Онегина и попросилась побывать в его библиотеке, где провела там много дней, читаю литературу, которую читал Евгений. По его заметкам на полях, она поняла какой глубины был любимый ею человек, о чем он думал, что ценил.

«Татьяна видит с трепетаньем, какою мыслью, замечаньем бывал Онегин поражен, В чем молча соглашался он. На их полях она встречает черты его карандаша. Везде Онегина душа себя неволью выражает то кратким словом, то крестом, то вопросительным крючком. И начинает понемногу моя Татьяна понимать теперь яснее — слава Богу — того, по ком она вздыхать осуждена судьбою властной: Чудак печальный и опасный, создание ада иль небес, сей ангел, сей надменный бес, Что ж он?» -
- Главы XXIII – XXIV.

Это маленькое отступление, но оно так показывает и наше время, когда мы читаем, видим, что происходит сегодня среди нас, около нас. С какой благодарностью открываем «Православный Календарь» с заметками нашего Патриарха Кирилла и видим не только его душу, его интеллект, образованность, но и такую сильную любовь к нам и Нашему Богу Христу. Мы только можем с радостью благодарить Господа, что Он дал нам этого Патриарха стать Главою Нашей Церкви.

Вот его наставление нам на сегодня, его предупреждение 24 Октября 2019 года:

«Мы живем во времена, когда враг рода человеческого внушил людям, что единственно правильным образом мысли является **абсолютное сомнение во всем**, даже в самых очевидных вещах. Конечно, вы все слышали о таком понятии, как **постмодернизм**. Его **смысл** заключается в том, что мы живем **«в эпоху отсутствия абсолютных истин»**. Любая идея может быть провозглашена истиной, даже если она входит в противоречие с тем, **к чему привыкли люди, что они знают, на чем основывалась жизнь их отцов, дедов, предшествовавших поколений**. Истины нет, а значит, нет и праведности, нет и Благости. И рассуждают современные люди примерно так: **«Для тебя это добро, а для меня – зло. Для тебя это праведность, а для меня – безобразие. Для тебя это истина, а для меня – заблуждение»**. Что есть Добро, а что Зло? Истина есть только Божественная. Церковь говорит о той Благости, которая и является таковой в очах Божиих. Церковь говорит о той Праведности, которую определяют не человеческая мода, стиль, политика или финансовая мощь, а о той праведности, которая и является таковой в очах Божиих. **Истина только одна – это истина, которая является таковой в очах Божиих.»**

А теперь отрывок из Летописи Дивеевского Монастыря, так похожий на события в нашей Церкви и заступничестве её свыше.

Глава XXVI

«29 лет страдала Серафимова обитель от вмешательства в ее дела и от попечительства отца Иоасафа!» стр.628.

«Иоасаф имел против себя таких дивных Стариц, блаженных и молитвенников, как **Пелагея Ивановна Серебренникова, Прасковья Семеновна Мелюкова, благодатная за свою простоту Евдокия Ефремовна, Наталья Дмитриева, М. В. Мантуров, Н. А. Мотовилов, протоиерей о. Василий Садовский,** и многих других. Мещанин Иван Тихонов возмутил весь мир, как **предсказывал о. Серафим**, и возможно ли ему одному приписать всю силу и значение в такой неравной и несправедливой борьбе? **Нет, эта смута была поднята против существования Истины** в таком огромном обществе людей, как Дивеевская обитель, куда впоследствии должно было собраться до тысячи человек. **Враг человечества** возбудил борьбу Небесных и земных сил, и ни одна история не излагала, и **ни одна обитель не переживала таких потрясений**, таких событий, как Серафимова община! Благодатные Старицы исполнились духа пророчества, духа обличения, соединились невидимо с пришедшими к ним **на помощь Небесными силами** и защитили Правду и Заветы своей Матери Игуменьи, **Самой Царицы Небесной**. Вся Россия изумилась произошедшему, и один только **Митрополит Филарет** решился доложить Государю Императору о событиях, небывалых до сих пор в Православном мире, но произошедших в Дивееве, где руководили борьбой и средствами обороны Великие Старицы и Блаженные, находящиеся **под Благодатию, а не под законом**. Недаром не без основания о. Серафим назвал время Смуты временами, **схожими с пришествием Антихриста!** «До Антихриста не доживете, но времена Антихриста переживете!» предсказал он своим сиротам.» - 628-9.

- старица Евдокия Ефремовна, которую о. Серафим называл Евдокиєю глухенькою, удостоенная видения Божией Матери в 1831 году в келье батюшки, увидела во сне о. Серафима. Великий старец приказал ей передать начальнице Елисавете Алексеевне, чтобы она ничего не боялась и ни на какое назначение не соглашалась. Евдокия Ефремовна наутро пришла испуганная к княжне Енгальчевой (матери Евпраксии) и спросила ее и других сестер: чего ждут в обители, что должно произойти, и начала упрекать, что от нее скрывают что-то. Сестры успокоили ее, говоря, что ровно ничего не знают, но советовали Евдокии Ефремовне сходить к настоятельнице и рассказать ей свой сон.

Вскоре за тем распространился слух, что в середине мая Преосвященный Нектарий поедет в г. Арзамас и затем в Дивеево, чтобы открыть утвержденный уже монастырь. 5 мая 1861 года Прасковья Семеновна Мелюкова отпросилась вместе с бывшей начальницей общинки Прасковьей Степановной в Саров на могилку к Батюшке о. Серафиму помолиться. Они довольно часто ездили в Саров, так как Батюшка перед смертью приказывал им, говоря: **«Когда меня не станет, вы ко мне на гробик-то ходите! Как вам время, вы и идите, чем чаще, тем и лучше! Все, что есть на душе, что бы ни случилось с вами, о чем бы ни скорбели, придите ко мне да все, все с собой-то и принесите на мой гробик! Припав к земле, как к живому, все и расскажите, и услышу я вас, вся скорбь ваша отлетит и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть, буду и вовеки!»**

Поплакав на могилке, Сестры прямо направились к источнику. Здесь они и пили воду, и умывались ею, и с заведующим источником Саровским монахом о. Ильей долго сидели и беседовали, вспоминая про Батюшку Серафима. Наконец, собрались идти домой, налили себе воды в посуду из чистого всегда, свежего и как зеркало покойного

источника о. Серафима, **как вдруг** показалась проживавшая в Петербурге с сестрами-художницами Лукерья Занятова. Появление ее невольно удивило остальных сестер, так как они ее не видели в обители, да и не слышали, чтобы ее вызывали из Петербурга. Лукерья Васильевна поздоровалась и только подошла зачерпнуть воды, как **вдруг весь источник возмутился, закипел, и все камешки поднялись со дна кверху, так что вода замутилась и стала совсем грязная и непрозрачная.** Прасковья Семеновна сразу изменилась в лице...

«Кто подошел? Ради кого возмутился источник?!» — грозно спросила она. Все в страхе молчали...

«Лукерья! вдруг громко воскликнула Прасковья Семеновна, обращаясь к Занятовой, ведь ты всю обитель возмутишь!» Прасковья Семеновна быстро вспомнила предсказание Батюшки о возмущении источника, о заповеди его всем говорить громко правду после этого и о своей смерти.

Лукерья Васильевна тотчас ушла, а Прасковья Семеновна осталась и долго-долго смотрела молча, тревожно и пристально в источник, до тех самых пор, пока не успокоился он, не затих, не очистился совершенно и по-прежнему не сделался свеж. Тогда она зачерпнула воды. «Ну, проговорила Прасковья Семеновна, теперь ничего, пойдем! Прощай, Илья! Прощай, уж более мы с тобой в этой жизни не свидимся».

Монах, изумленный совершившимся на его глазах, ответил успокоительно: «Полно тебе, старица, уж больно растревожилась! Ишь чего еще выдумала не свидимся, или умирать собираешься! Полно-ка, полно, еще на источник за водой прибежишь!»

«Ну, нет, сказала Прасковья Семеновна. Теперь уж прощай, воистину прощай! Батюшка Серафим мне сказал: вот, матушка, упомни, **как увидишь ты, что мой источник-то возмутится грязью**, от кого он возмутится, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и **говори правду и всем говори правду!** Это тебе заповедь моя! Тут и конец твой! Так видишь ли, Илья, источник-то возмутился, и Лукерья всю обитель возмутит у нас! Пришло время, пойду воевать, как мне батюшка приказал! Прощай же, Илья, прощай! Более мы с тобой не увидимся! А ты будь свидетелем кто подошел!»

Вернулись они в Саров, опять поплакали на могилке о. Серафима и поехали домой. Подъезжая к воротам своей обители, они встретили экипаж, в котором сидели Н. А. Мотовилов с женой Еленой Ивановной, как известно, племянницей Прасковьи Семеновны, и с двумя дочерьми. Они ехали из Симбирского имения в Москву через г. Арзамас, чтобы определить дочь в институт, и по дороге близ Арзамаса сломалось колесо, так что явилась необходимость остановиться. В Арзамасе они узнали, что преосвященный Нектарий поедет в Дивеев открыть монастырь. Это сообщила им Дивеевская казначея. Само Провидение распорядилось этим, дабы Н. А. Мотовилов сделался свидетелем происшедшей через три дня истории. Старицы повернули за экипажем Мотовиловых и вошли к ним в дом. Прасковья Семеновна, поразившая их своим тревожным видом, показала тотчас воду из Батюшкина источника, благословила испить ее и сказала: «Ну, Елена, теперь вот уже и слушай, что буду тебе говорить!»

Эти же самые слова Прасковья Семеновна говорила Елене Ивановне семь лет тому назад, когда ей было видение в Саровской пустыни. Но в то время она никому не открыла из смирения о видении своем, боясь, не прелесть ли это. Видение продолжалось полтора часа в присутствии пришедшей с ней в Саров слепой сестры Анны Алексеевны, также дивной жизни. Анна Алексеевна только слышала ответы и рыдания Прасковьи Семеновны и **благоухание.** После этого видения Елена Ивановна неоднократно просила тетку Прасковью Семеновну рассказать ей, как, что и когда будет, но старица отвечала

ей: «Когда придет время, тогда и слушай!» И вот через 7 лет пришло это время. «Ты не забудь, сказала Прасковья Семеновна, что ты чудом сюда приехала!»

Елена Ивановна удивленно смотрела на нее, замечая странность речи. «Ты хотела прежде знать, теперь вот пришло это время и слушай!» продолжала Прасковья Семеновна. Она рассказала о бывшем ей видении в Сарове. В ночь явилась ей **Божия Матерь и Батюшка Серафим просто, очевидно, ясно**. Царица Небесная сказала: «Ты выправь дела Моей обители, настой в правде, обличи!..» Прасковья Семеновна упала на колени, зарыдала и ответила: «Матушка, Царица Небесная, прости меня, кто я, недостойная, грешная да и безграмотная! Есть умнее, просвещеннее и словеснее меня!» «Нет, тебе назначено это, иди за послушание Старца!» говорила Богоматерь, указывая на стоявшего за Ней Батюшку о. Серафима. Но Прасковья Семеновна опять начала со слезами просить освободить ее от этого дела и послушания, считая себя немощной и негодной, но Матерь Божия до трех раз повторила ей Свое приказание. Рассказав это, Старица опять произнесла, обращаясь к Елене Ивановне: «Чудо Батюшка отец Серафим, угодник Божий, сделал, помни ты, ты чудом сюда приехала!.. Вот открытие монастыря и пострижение у нас в Батюшкиной обители!..»

«Да и какое чудо, сказала, перебивая, сестра Прасковья Степановна, источник Батюшки о. Серафима возмутился!» Но Прасковья Семеновна остановила ее, говоря: «Нет, то другое, а вот Батюшка о. Серафим здесь теперь!»

Она встала со свежим, веселым лицом, всплеснула руками и произнесла: «Батюшка Серафим, угодник Божий! Ты здесь, ты здесь явился, пришло то время, буди воля Господа и Матери Божией!» Потом она села и, помолчавши, сказала: «Мне бы домой в монастырь пора, я изнемогла!»

Мотовиловы упрашивали ее ночевать у них, но Прасковья Семеновна не соглашалась. «Мне нужно домой!» говорила она. Это было 16 мая. Приехав в обитель и войдя в свою келью, Прасковья Семеновна начала юродствовать и воевать во второй раз в жизни; первый раз с ней это было во время похорон дивной сестры Марии Семеновны, схимонахини Марфы. Она теперь надела балахончик Батюшки о. Серафима, который у нее хранился, разложила все вещи его, бывшие у нее, и сказала послушнице Феодоре: «Собирайте и скорее прячьте все вещи, Владыка едет неверующий, он их все раскидает!» В эту же ночь она сделалась восторженная, слезы лились из ее глаз, и, воздевши руки к небу, она говорила: «Дражайший Батюшка! Я не о том плачу, что ты меня благословил трудным жестоким путем, но плачу от радости теперь. Пасху пела бы, да на память не умею. Христос Воскресе, Батюшка! Воистину Воскресе! Помнишь, Батюшка, как ты меня своими ручками со стога снял?!»

По свидетельству Елены Ивановны Мотовиловой, однажды на работе, снимая Прасковью Семеновну со стога сена, Батюшка Серафим сказал ей: «Ты, радость моя, превыше меня!» А сестрам открыл, что она будет юродствовать. В ночь на 17 мая Прасковья Семеновна курила ладаном свою келью и говорила: «Не бойся, Феодора (послушница), меня одолели (враги), в окна лезут и в двери толкаются!»

Утром 17-го приехала к ней Елена Ивановна. Старица сказала ей: «Скажите старшим всем, будет теперь верх Иоасафовых, но они не смущались бы, начальницу на время сменят, и пострижение будет Иоасафово, а батюшки о. Серафима и наше пострижение будет после».

Потом говорила она: «Это возмущение попущено к смирению наших старших; если и начальница не будет хранить всей обители заповеди, Матери Божией и Батюшкиной, то недолго продержится она в начальстве. А Николаю Александровичу скажи, дабы настаивал бы, чтоб переходов и мостов через канавку не было и строение было бы

внутри Канавки ставлено; и все, как угодник Батюшка о. Серафим заповедовал им делать, так чтобы и исполняли!»

Много раз повторяла она в восторге: «А что будет еще в Дивееве, Боже мой!» Все пророчества о. Серафима о будущей славе Дивеева она предсказала опять. Предсказала она Елене Ивановне все, относящееся до ее семьи; дала ключик от своего шкафа и произнесла: «Не забывай, что говорю, а теперь поди и посмотри, что у меня осталось там!» Елене Ивановне сделалось страшно, но она не могла послушаться, подошла к шкафу, горько и долго плакала, сама не зная о чем, потом принесла ключ и подала старице. «Ну, теперь простимся!» сказала Прасковья Семеновна. Елена Ивановна упала ей в ножки, говоря: «Прости меня во всем, матушка!» Старица простилась с ней как бы навсегда. «Ну, теперь поиди, опять произнесла Прасковья Семеновна, да не забудь же, что говорила я, это нужно тебе! Да вот и св. Арто́с тебе, сказала она, подавая мешочек. Его возьми с собой». Елена Ивановна ответила ей: «Ведь мы едем в Москву ненадолго, а оттуда опять заедем сюда, тогда я и возьму мешочек домой!» Старица строго посмотрела на Елену Ивановну и сказала: «Вот я тебе, кажется, толком говорила и говорю, что все у меня теперь пересмотри и возьми сейчас же, а ты ничего не понимаешь!» Прасковья Семеновна положила ей в руку мешочек с Арто́сом и отпустила в дом. Елена Ивановна и тут еще не поняла тогда ее предсказания о своей кончине. Николаю Александровичу Старица прямо объявила, когда он пришел к ней проститься перед отъездом в Москву: «Ты не сказывай Елене, я скоро умру; она, узнавши это, не поедет в Москву, а вам нужно быть там, так с Богом поезжайте!»

В ночь на 18 мая Прасковья Семеновна начала читать Псалтирь. Прочитав две славы, говорит она: «Федорушка! Я было приуныла, а батюшка Серафим мне сказал: Что тебе, Матушка, унывать, я сам тебе избрал истинную послушницу!» Затем Старица приказала своей послушнице Федорушке сесть на пол и молиться, а сама начала ставить всем образам зажженные свечи. «Вот так горели свечи в келье Батюшки Серафима, сказала она, он меня спросил: "Видишь ли ты, матушка, радость моя, как свечи горят?" Я ответила: "Вижу, Батюшка!" Тут одна свеча упала. Он опять спрашивает: "А видишь ли ты, что свеча упала?" "Вижу, батюшка". "Вот так-то человек падает"».

После этого рассказа Прасковья Семеновна начала ставить зажженную большую свечу, которую ей еще при жизни своей пожаловал Батюшка Серафим, но лишь только поставит, сделает земной поклон, и свеча упадет; так было три раза. Тогда она сказала: «В прошлом году я была больна, но не умерла, а теперь уже умру, вот кончина моя».

12 числа в три часа утра Прасковья Семеновна начала звать с собой стариц Евдокию Ефремовну и Прасковью Степановну, говоря: «Пойдемте мы, три столпа, на подкрепу к Матушке; четвертый столп сама матушка, мы устоим!» Они ей ответили: «Ты не вовремя начала юродствовать!» и не пошли с ней. Тогда Старица взяла камушек с изображением Батюшки Серафима и пошла одна к Елисавете Алексеевне. Видя Старицу в восторженном состоянии и думая, что необходимо сообщить Матушке важное известие, послушницы разбудили Настоятельницу. Прасковья Семеновна вскоре вернулась назад в свою келью и объявила послушнице Федорушке: «Я спросила у Матушки воды из источника Батюшки Серафима, она мне подала в стакан, а я говорю: перекрести, матушка! Она ответила мне: нет, не могу такого Светильника, как батюшка Серафим, воду крестить. Вот она, Федорушка, Богом избранная нам истинная мать! Я ей отдала портрет Батюшки Серафима да и сказала: Крепись, матушка, мужайся! Царица Небесная и Батюшка Серафим тебе помогут!»

В это время в другом конце обители блаженная Пелагея Ивановна сильно скорбела, все ходила, металась да бегала, приговаривая: «Ох, горе-то какое! Тоска-то, тоска какая!»

«Ну, что еще за горе? говорит Анна Герасимовна, ее сожительница и послушница. Вот Владыку все ждут, а ты тут "горе". Дай-ка я лучше самоварчик поставлю!» «Ох! продолжала блаженная, какой это тебе "самовар!" Горе-то какое! Туча-то какая идет! Пойдем к воротам!» Пошли. На Пелагее Ивановне не было лица, точно она не своя была. Просидели они целый день у ворот, и Пелагея Ивановна все время тосковала и металась. «Какой ныне гром-то будет! восклицала она. Ведь, пожалуй, кого и убьет; да, верно убьет!» «Что это ты говоришь, Господи, помилуй! возразила испуганно Анна Герасимовна. Я так испугалась, что вся дрожу!» Но про себя Анна Герасимовна думала, что будет непременно беда, потому что Блаженная изменилась, стосковалась и вся осунулась.

Настали сумерки. С самого утра Елисавета Алексеевна и все сестры ждали Владыку у храма и гостиницы, в которой приготовили ему помещение, но он не ехал. Когда начало темнеть, Пелагея Ивановна вдруг вскочила и побежала прямо в гряды, которые были против ворот, и засела в них. Анна Герасимовна пошла за нею. Нашла туча с большим громом и сильным дождем, а блаженная со своей подругой продолжала сидеть в огороде; сколько дождь ни поливал их, Пелагея Ивановна не двигалась с места и Анне Герасимовне не позволяла. «Сиди!» говорила ей блаженная. Промокшая Анна Герасимовна роптала: «Что это? Господи, помилуй! Дождь так вот и поливает; там все Владыку с фонарями ждут, а я тут и сиди с тобой!» С этими словами она встала и хотела уйти, но блаженная как вскочит, схватит ее за подол, да так грозно и гневно прикрикнула: «Так и сиди!» Ужас напал на послушницу. «Что это, Господи, думала она, уж непременно какая-нибудь да будет беда!» Сидели они совершенно промокшие и издали смотрели, как собрались сестры ждать Владыку у ворот с фонарями.

В полночь наконец приехал преосвященный Нектарий в сопровождении протоиерея и письмоводителя, своего родного брата. Раздался звон. Прасковья Семеновна услышала звон и спросила: что звонят? Федорушка объяснила ей, что Владыка приехал, но Старица ничего не сказала. Блаженная Пелагея Ивановна выскочила из грядок и бросилась к воротам. Немного спустя она встала, оглядела себя и Анну Герасимовну и, видя, что с обеих их вода ручьем льется, произнесла: «Ну, слава Богу! Теперь ничего не будет!» Они пошли домой.

Елисавета Алексеевна объяснила преосвященному Нектарию, что его весь день ждали и, наконец, решили, что он приедет не ранее утра, а потому сестры разошлись. «Как благословите, Владыка, службу завтра?» спросила она. «Пускай будет заутреня, а я за вами пришлю», ответил преосвященный. Елисавета Алексеевна благословилась и ушла. Пелагея Ивановна, насквозь промокшая, всю ночь пробежала по монастырю и молилась. Старица Прасковья Семеновна опять в три часа утра разбудила свою послушницу и сказала ей: «Поди к моей правде и радости, поклонись в ножки три раза, поцелуй три раза ручку да скажи: Матушка, крепись! Мужайся, стой за правду бодрствуй! Вся сила Небесная сюда грядет! Царица Небесная и Батюшка Серафим ей помогут!» Елисавета Алексеевна, конечно, не спала и приняла послушницу Федорушку. Не дозволив ей кланяться в ноги, но выслушав слова Старицы, она сказала: «Благодарю за подкрепление и за сестрины молитвы; я к сердцу ничего не приняла!» Федорушка вернулась и сообщила ответ Матушки. Прасковья Семеновна на это сказала: «Мне только то и нужно!»

19 числа преосвященный Нектарий в 9 часов утра прислал за Елисаветой Алексеевной. Благословив настоятельницу, Владыка сказал: «Елисавета Алексеевна! У меня до вас есть просьба!» «Мы привыкли к приказаниям, Владыка, а не к просьбам, ответила она. Что вам угодно?» «Перейдите в Давыдовскую пустынь начальницей!» сказал Владыка.

Елисавета Алексеевна молчала в удивлении. «Что же вы молчите?» спросил преосвященный Нектарий.

«Я вас не понимаю, Владыка!» произнесла она. «Я говорю вам, повторил преосвященный, что вы должны перейти в Давыдовскую пустынь, там неустройство, вот вы перейдете, чтобы там завести порядок!» «Не могу», кротко ответила Елисавета Алексеевна. «Какже вы здесь начальницей?» спросил Владыка. «Я здесь по выбору сестер, сказала она. И только стараюсь поддержать заведенные порядки!»

«В таком случае, объявил Владыка, я вам должен сказать, что вы здесь не можете быть начальницей!» «Это ваша воля, как вам угодно!» сказала Елисавета Алексеевна. Я поступала сюда по вере в силу молитв батюшки Серафима, а не в начальницы и прошу только одной милости: не выгонять меня!» После этого преосвященный Нектарий посмотрел на часы. «Уже десятый час, уже пора в церковь, и вы должны согласиться», сказал Владыка. «Буду молить лучше, чтобы умереть, но не оставить обитель!» решительно ответила Елисавета Алексеевна.

После обедни, которую преосвященный Нектарий отстоял в Тихвинской церкви, он вышел на солею и объявил сестрам, что приехал сделать мир, открыть монастырь, и потому они должны выбрать начальницу. Возбуждение между сестрами было настолько уже сильно, что они в один голос объявили: «У нас есть начальница». Постояв на солее и видя, что никто из сестер не идет к нему под благословение, преосвященный Нектарий вышел из церкви. По дороге он встретил Лукерью Занятову и сказал ей: «Я буду у вас!»

В келье настоятельницы подали чай. Около Владыки уселись протоиерей и письмоводитель. Обращаясь к ним, преосвященный Нектарий сказа«Еще называется монашенкой, а архиерея не слушает! Я ей говорю, что надо перейти в другой монастырь, а она не идет!» Затем он начал укорять Елисавету Алексеевну, что она во всем виновата, возбуждала Е. В. Ладыженскую против о. Иоасафа, борется против благодетеля обители и наставника, которому поручил своих сирот сам о. Серафим, и проч. В словах его заключались, конечно, наговоры о. Иоасафа, Лукерьи Занятовой и других их сторонников.

Елисавета Алексеевна со спокойным духом, смиренно отвечала напрасно разгневанному Владыке, повторяя только одно: «Простите Христа ради!» Оправдываться против такой клеветы не было посильно и пристойно матери Дивеевских сирот...

После чая Владыка пожелал посетить трапезу. Он всюду заходил, думая услышать от кого-либо претензию, или неудовольствие, или жалобу на настоятельницу и воспользоваться этим обвинением для своих решительных действий, но угрюмые, расстроенные, взволнованные и заплаканные сестры молча вставали, кланялись низко и прятались по кельям. Отпустив от себя Елисавету Алексеевну, которая тотчас заперлась в своей келье, преосвященный Нектарий пошел в гостиницу. Обозревая разные послушания, преосвященный Нектарий говорил всем: «Пожалуйста, не бойтесь Елисаветы Ушаковой и жалуйтесь, чем вы недовольны!» Но жалобы никто не принес. Слава о блаженной Пелагее Ивановне, конечно, дошла до Владыки еще в Нижнем Новгороде, так как ее посещало много приезжающих со всех концов России; кроме того, он слышал о ее прозорливости и от о. Иоасафа и Лукерьи Занятовой. Смущенный возложенной на него обязанностью изменить порядок в Дивееве и поставить в игуменьи Лукерью Занятову, преосвященный Нектарий искал себе, видимо, внутренней поддержки для правдивого решения вопроса и пожелал сходить к Блаженной Пелагее Ивановне.

«На первый же день приезда Владыки, — рассказывала послушница Анна Герасимовна, — вижу, жалуется к нам. Сердце у меня так и заныло. Что это? — думаю, мы — дураки, и никогда к нам такие лица не ходили!» Преосвященный Нектарий вошел в

келью. Пелагея Ивановна сидела в чулане на табуретке, поджавшись. Владыка взял также табуреточку и сел с нею рядом, а Анне Герасимовне приказал поместиться на лавке. «Ах, раба Божия! Как мне быть-то?» сказал Владыка. Посмотрев на него строго, ясно, так что, видимо, произведя сильное впечатление на преосвященного своим светлым, глубоким и чистым взором, она громко ответила: «Напрасно, Владыка, напрасно ты хлопочешь! Старую мать не выдадут!»

Пригорюнился преосвященный Нектарий, облокотился бородой на свой посох и стал покачивать головой из стороны в сторону. «Уж и сам не знаю, как быть! сказал Владыка, обращаясь к Анне Герасимовне. Что-то мне страшно!»

«Преосвященный Владыка! вдруг заговорила Анна Герасимовна, сделавшись смелой и откровенной, да зачем же сменять! Ведь она никого не обижает!» Едва договорила она это, как Пелагея Ивановна вскочила тревожная, страшная и начала воевать. Все, кто были с Владыкой, от испугу разбежались, кто куда мог. Анна Герасимовна рассказывала: «Осталась я с ним одна-одинешенька: тряской трясусь, да творю молитву: "Господи, только помози!" Да кое-как, улучив минуту, Владыку-то уж и выпроводила вон; а она-то воюет, что ни попало под руки, все бьет да колотит. Ужас на всех и на нас-то напал. К вечеру, слышу, говорят: архиерей сказал какому-то с ним прибывшему протоиерею, что "напугала меня Пелагея Ивановна; уж и не знаю, как быть!" "Охота вам, Владыка, говорит протоиерей, — безумную бабу слушать!"»

Весь остальной день до всенощной преосвященный Нектарий ходил по монастырю вместе с Лукерьей Занятовой. Дивная раба Божия Прасковья Семеновна была очень непокойна, разбила у себя в келье окна и кричала: «**Второй Серафим**, Пелагея Ивановна! Помогайте мне воевать! Наталья косматая, Евдокия глухенькая, помогайте мне! Стойте за истинную правду! Николай Чудотворец, угодник Христов, помогай за правду!»

Эта война блаженных производила сильнейшее впечатление и наводила ужас на всех. Вообще, как мы слышали выше и из уст самого о. Серафима, истинных блаженных и Христа ради юродивых бывает мало; большинство их — бродящие по России, взявшие самопроизвольно на себя этот великий и тяжелый подвиг, порочные люди, руководимые врагом человечества. Но истинные блаженные узнаются по необъяснимой на словах чистоте и святости взора, проникающего в сердце человека, по образу их жизни и в особенности по неподражаемой речи, которая у всех одна. Они все воюют одинаково. Непонятное на первый взгляд это буйство делается совершенно понятным, когда вспомним, что блаженные имеют уже на земле духовные очи, видящие явно духов злобы и ангелов. Воевание это есть борьба с духами злобы, являющимися смущать человечество, соблазнять и возбуждать вражду между людьми. Так Василий блаженный иногда воевал и бросал камни в церковные стены, пока внутри служилась обедня, видя, что злые духи располагаются снаружи, по невозможности стоять в церкви, и целовал стены домов, в которых были балы, танцы, кутежи, так как видел ангелов-хранителей, удалившихся из них, по невозможности присутствовать в жилищах.

Блаженные Пелагея Ивановна и Прасковья Семеновна весь день 19 мая провели в страшной войне. Елисавета Алексеевна вышла из кельи только ко всенощной. После всенощной протоиерей передал приказание Владыки, чтобы все сестры до одной шли в трапезу. Было Сестер около 500, и они тесно разместились в трапезе. Глубокое молчание и грустное выражение лиц располагали к ожиданию чего-то страшного. Когда все были на местах, вошел и преосвященный Нектарий. «Желающие Лукерью Васильевну, отделяйтесь! произнес Владыка, стоя в мантии. Становитесь вперед, к образам!»

Некоторые стали впереди, но сравнительно их было очень мало, всего 40 человек. Видя это и приписывая тому, что нет места в трапезе, преосвященный стал приказывать:

«Назад! Назад!» «Некуда назад!» ответили в один голос 400 сестер, преданных Елисавете Алексеевне. Многие из них на коленях, со слезами просили преосвященного оставить ее начальницей. «Отделяйтесь, отделяйтесь!» приказывал опять Владыка, но никто не двигался с места. Тогда он сказал: «Я ее не оставлю! Избирайте три лица, а если вы не выберете, то я, кроме Елисаветы и Лукерьи, выберу сам третье лицо из среды Лукерьи Васильевны. Завтра, если жребий падет на Лукерью Васильевну, то кто не повинуется, всех вон!» «Много будет всех вон!!!» громко ответили все Сестры.

Раздраженный и разгневанный неудачами, а также ответами Серафимовых сирот, преосвященный Нектарий стал нетерпеливо подвигаться к двери, но, по тесноте, сестры невольно запутались в его мантию, а он, желая освободиться, начал их толкать, отстранять ногами, и вся эта сцена глубоко поразила и возмутила стоявшего у дверей трапезы незамеченным Николая Александровича Мотовилова.

В ночь на 20 мая подле старицы Прасковьи Семеновны сидели сестры Прасковья Степановна, Анастасия Михайловна и послушница Федорушка. Взяв образок Казанской Божией Матери, Прасковья Семеновна приложилась к нему, потом надела на бывшую свою начальницу мельничной общинки Прасковью Степановну и сказала: «Иди ты к новой начальнице и скажи, чтобы она не бралась начальствовать, это не ее дело! Вот у меня три свидетельницы, но две лживые поколеблются! Ты одна у меня будешь истинная свидетельница! Вспомни, Прасковья Степановна, вспомни, матушка, что тебе сказал батюшка Серафим: останешься ты как рак на мели!» Но Прасковья Степановна не пошла к Лукерье Занятовой, опасаясь передать ей слова старицы, ибо архиерей должен был ее постригать на следующее утро.

Преосвященный Нектарий служил обедню в Тихвинской церкви, и, когда вышел на молебен, он приказал подать ему билеты с наименованием кандидатов, избираемых в настоятельницы монастыря. Протодиакон вынес на блюде три запечатанных конверта. Владыка взял один, распечатал и передал для прочтения протодиакону, а остальные два спрятал себе в карман. Протодиакон громко провозгласил: «Господь Бог выбирает начальницей Гликерию Занятову!»

В публике произошло смятение, послышалось рыдание, некоторые из приезжих упали в обморок. Никто не поверил, что Бог мог избрать начальницей преданную о. Иоасафу, который запечатывал храмы, попирал заветы и заповеди Царицы Небесной и о. Серафима. Возбуждение народа против преосвященного дошло до крайних пределов. Ввиду того что остальные конверты он взял себе в карман, а не отдал по принадлежности сестрам обители или для хранения в ризнице, Владыку обвинили в пристрастии, в допущении обмана. Присутствующие были уверены, что во всех конвертах заключалась записка одного содержания об избрании Лукерьи Занятовой. Можно себе представить, как был отслужен молебен и что происходило в это время в церкви.

Одна же отличавшаяся кротостью Устинья Ивановна не могла сдержать свою скорбь и сказала: «Батюшки Серафима на тебе взыщенье за нас, Владыко, ибо он собирал нас, а ты разгонять хочешь!» Преосвященный Нектарий приказал отправить ее под начало в Ардатовский монастырь. Благодатная Старица Евдокия Ефремовна, стоя пред преосвященным, со слезами говорила ему: «Святой Владыко, пощади нас, Иоасаф гонит нас 30 лет! И ты гонишь нас! Нам Лукерьи не нужно!» «Иоасаф добрый человек!» ответил Владыка. «Я, батюшка, живу 60 лет в обители, и мне уже осьмой десяток, старших нас шесть сестер, на нас обитель завел о. Серафим; мы с ним трудились, ему служили!» — продолжала дивная старица. «Что мне до того, что тебе 70 лет! — воскликнул преосвященный Нектарий. Вы мне не нужны! У меня и молодая будет начальницей!» Сестры плакали и рыдали.

После обедни Владыка кушал чай и обедал у новой начальницы Лукерьи Васильевой, где ликовали поклонницы о. Иоасафа. Елисавета Алексеевна совершенно покойно удалилась из церкви и поспешила переехать из начальнической кельи в свою прежнюю казначейскую.

Серафимовы сестры провели день в слезах и не выходили из келий. Только великие рабы Божий продолжали еще с большей силой воевать со врагом, видя, до какого забвения довел он Иоасафовых сестер. Сестра Аграфена Николаевна Назарова поспешила в келью Пелагеи Ивановны рассказать ей, что происходило сегодня в церкви, и принесла с собой ей в подарок прехорошенького котенка, зная, как Блаженная любила их. Пелагея Ивановна вскочила, выхватила котенка из рук Назаровой и так сильно ударила кулаком по голове его, что он и не пикнул. Никогда еще с блаженной подобного не случалось. Полно озорничать-то! закричала Анна Герасимовна. Нет, не перестану! ответила Блаженная. Да, вот все так: ей все равно, а я-то при чем? Только знай через тебя все к ответу иди! ворчала Анна Герасимовна. Нет! Что тебе? Я и помимо тебя выберу время! сказала Пелагея Ивановна.

Второй Серафим Пелагея Ивановна! Помогайте мне воевать! кричала в другом конце обители старица Прасковья Семеновна. Наталья косматая, Евдокия глухенькая, помогите мне, стойте за истинную правду! Николай чудотворец, угодник Христов, помогай за правду!

День 21 мая был еще ужаснее! Ввиду напечатанных уже отзывов приснопамятного митрополита Московского Филарета о Дивеевских смутах, о. Иоасафе, о Гликерии Занятовой, об оскорблении преосвященного Нектария блаженной Пелагеей Ивановной, о разговорах митрополита по этому поводу с Государем Императором, а также ввиду напечатания об этом же писем митрополита Филарета к митрополиту Петербургскому Исидору и обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому (см. Сборник мнений и резолюций митр. Филарета, т. 5, № 606, 608 и др. письмам. Филарета, I, 28, II, 98, 99, 105, 226); наконец, ввиду напечатания по этому делу Указов Св. Синода и биографии Блаженной Пелагеи Ивановны, в которой упоминается подробно об оскорблении ею преосвященного Нектария, мы излагаем в летописи события со всеми подробностями, несомненно поучительными в духовном смысле.

21 мая преосвященный Нектарий служил в Тихвинском храме и покрывал в рясофор сторонниц Гликерии Занятовой, которую, между прочим, многие любили в монастыре за ее доброту, но теперь обвиняли в духовной слепоте и решении служить не о. Серафиму, а чуждопосетителю о. Иоасафу. Как только раздался звон, доказавший, что Владыка выходит из храма по окончании службы, старшая Прасковья Семеновна надела шубу вверх мехом, выбежала из кельи и направилась к колокольне, крича: «Звони, Ирина, зря, зря! Чтобы Владыка испугался!» «А вы, сестры, сказала она подошедшим монашенкам, идите на Канавку, становитесь реже, выше, выше! И кричите: Канавка, канавка! Возопий за нас до неба! А мы нейдем за канавку, земля наша!» Преосвященный Нектарий, видя это, прошел мимо, ничего не сказав. Тогда Старица побежала на другой конец Канавки и стала против сеней начальницы. Когда Владыка вошел в келью, она начала кричать: «Вышлите ко мне Лукерью с Владыкой!»

Преосвященный Нектарий вышел, благословил ее большой просфорой, как самую духовную, уважаемую и почтенную Старицу в обители. Она взяла, говоря: «Идите, Владыко святой, за тот стол, где вы кушать будете!» Они вошли все вместе в начальнический корпус. Только уселись, Прасковья Семеновна размахнулась и бросила в окно громадную эту просфору с криком: «Вот так и Лушку выкину!» Шум от разбитых стекол произвел переполох, но все боялись, не исключая и Владыки, сказать ей слово, так как они страшились обличения. За столом Прасковью Семеновну посадили рядом с

Владыкой. Она спросила себе воды из Батюшкина источника, и когда ей подали, то, выплеснув все на Владыку, залила ему бок рысы, разбила стакан о пол и сказала: «О судия! Судия несправедливый! Судия ложный! Судия денежник! О Господи, нет истинной правды! Святой Владыко! Руби меня в мелкие части, нет истинной правды! Святой Владыко! Что я шубу-то выворотила, так они всю обитель перевернули! Мне батюшка Серафим сказал: "Придет время, шуми, матушка, не умолчи!" Что я шумлю? Теперь в Петербурге и в Москве шум! Шум! С северной стороны ветер холодный далеко шумит! Владыко, где же истинная правда?!» Тогда сестра Домна Алексеевна подвела Лукерью Васильевну и говорит: «Вот истинная правда наша Матушка!»

Прасковья Семеновна вскочила, ударила вновь постриженную Лукерью Васильевну по камиллавке и сказала: «Я возьму ножницы и ваши длинные хвосты все подрежу, а камиллавки побросаю под лавки!» «Тебе надо камиллавочку!» льстиво произнесла Лукерья Занятова. «Нет, не нужно!» закричала Старица. Будет с меня и того, что Батюшка Серафим благословил! Это пострижение не наше Иоасафово, а наше пострижение будет вторичное от Царя! Нас сам Царь пострижет, а мы к Царю пойдем прямой дорогой, не так, как Лукерья, ши! ши! Царя позовем! Царь приедет, мощи привезет; двое у нас явятся!»

Замолчала Старица и, сидя рядом с Владыкой, через несколько минут спросила: «Где Владыка?» Ей говорят, что преосвященный рядом с ней. А она воскликнула: «Нет, это не Владыка! Вот он!» и показала на архимандрита Иоакима благочинного, на нем есть кресты, продолжала она, а на этом нет!» Преосвященный Нектарий распахнулся и сказал: «Вот смотри, старица, мои кресты!» «Простите, Владыко! Слеповата стала Прасковья», ответила она.

Встали со стола; преосвященный вознамерился идти по кельям сестер, но Прасковья Семеновна легла на пол под диван, потом быстро опять встала и, бросившись пред Владыкой на колени с воздетыми руками, воскликнула: «Святой Владыко! Нейду из этой кельи; где благоволите мне жить?» «Где тебе благоволит новая начальница!» ответил он. Но старица, обняв обеими руками большой портрет батюшки Серафима, сказала: «Батюшка Серафим! Нейду из этой кельи!»

Только Владыка хотел выйти, она опередила его и, пробежав на половину Матушки Елисаветы Алексеевны, начала стучать в ее запертую дверь и кричать: «Правда! Отопрись, мне нужно тебе сказать на подкрепу три слова!» Но Матушка Елисавета Алексеевна никого более не принимала, так как архиерею доносили, что у ней сговариваются Сестры против о. Иоасафа и его Сестер. Преосвященный Нектарий прислал ей строгое приказание ни во что не вмешиваться, если хочет остаться в монастыре.

«Ступай, Федорушка! сказала старица своей послушнице. И если в мою келью Владыка придет, покажи ему лычки батюшки Серафима!» Ничего не понимавшая послушница побежала в келью. Преосвященный был уже в их корпусе. Федорушка стала просить его благословить келейку Прасковьи Семеновны. «Старица дома? спросил Владыка. Если дома, я не пойду ее беспокоить!» Федорушка ответила, что Старицы нет. Тогда преосвященный Нектарий вошел, благословил ее кровать, посмотрел спутанные лычки Батюшки Серафима, но не мог получить объяснения их от послушницы. Видя, что все окна разбиты, он спросил: «Как колотила она окна и что говорила? Давно ли с ней это случилось?» Послушница на все дала точные ответы, выслушав которые Владыка ушел.

Прасковья Семеновна этим временем стояла около кельи Елисаветы Алексеевны и говорила Сестре Фиене Васильевне: «Фиена! Поди сходи к нашей правде! Что правда делает?» Фиена Васильевна удивленно смотрела на Старицу, не понимая, про что она

говорит. «Разве ты не знаешь, кто правда? спросила Старица. Наша Мать, белая Елисавета! Скажи ей, чтобы она меня к себе пустила; я бы ей три слова сказала! Мне нужно сказать ей три слова Батюшки Серафима и Царицы Небесной; ей будут в поддержку и сестрам во подкрепление!» «Матушка Елисавета Алексеевна очень больна», ответила Фиена Васильевна. «Нужды нет! Это ей на пользу! Батюшка Серафим ее за плечики держит! Мне только нужно ей три слова сказать на подкрепление!» «Нельзя, Матушка, войти нельзя, двери заперты!» сказала Фиена Васильевна.

«Напрасно заперли! продолжала Прасковья Семеновна. Пусть бы они посмотрели на нее! Это будет после нужно ей. Сестра, собирай же обедать, теперь радость и веселие, поспразднуем! Елисавета всего наготовила! Теперь воля наша, никого не боимся! Вот поехали во все стороны парами, тройками, четверками! Пыль столбом! Приехали, нет тут ничего, никаких дел нет! Гони дальше в Петербург, там лучше дела разыщем! Лошади у нас хорошие, Елисавета откормила! Совались, совались и туда и сюда, да и нет никуда! А придет время, мы всю ложь выгоним, будем жить правдой и с одной правдой!»

Никто не понимал в то время слов великой старицы, но вскоре все вспомнили ее предсказание. Поехали из Дивеева свидетели смуты защищать правду. Приехали следователи, искали, искали вину Серафимовых сирот, но не нашли! Правда восторжествовала! Затем Прасковья Семеновна вернулась в свою келью, чтобы звать Федорушку идти с ней на канавку. Пошли. «Принеси мне малахай, Федорушка!» — сказала старица. Пока послушница ходила за малахаем, Старица легла в канавку и стала кричать: «Тут мощи явятся, тут мощи, мощи явятся!» Федорушка подала малахай. Она надела его, подняла кверху и воскликнула: «В последний раз пошумлю, чтобы больше, больше шумело! Ступай за топором! Надо мост рубить, тут мощи явятся!»

В это самое время Владыка шел из «живописной». Старица взяла большую жердь, переломила ее на три части и закричала: «Святой Владыко! Ложь и клевету выгоню отсюда, всю выгоню, выгоню!» Преосвященный Нектарий не пошел ей навстречу, а воротился назад и обошел стороной корпус Начальницы. С этого места сестры почти на руках принесли Прасковью Семеновну в ее келью. Федорушка сняла с нее шубу, посадила на кровать. «Пустите меня, Христа ради! просила Старица. Я провожу Владыку, сяду на кочергу, хвост привяжу, Владыку за ворота провожу!» Но ее не пустили. Затем она совершенно изнемогла, легла в постель и больше не вставала. **Блаженная Пелагея Ивановна, второй Серафим**, поступила иначе. Предоставим слово Анне Герасимовне: «Пришла ночь, сидит дома. На другой день расхорошая-хорошая встала и пообедала с нами. Отлегло у меня. "Ну, думаю, слава Тебе, Господи, угомонилась". Да уж не помню, зачем и вышла в чулан. Прихожу: а уж ее и нет. Так во мне сердце-то и упало. "Где она это? думаю. Как бы еще чего не наделала!" Тороплюсь, собираюсь идти разыскивать, а ко мне уж бегут навстречу. "Что ты, говорят, делаешь-то? Что безумная-то твоя дура наделала? И не знаешь? Ведь она Владыку-то по щеке ударила". Так я обмерла. Ничего не соображу даже. "Вот, говорят, теперь в сумасшедший дом ее, да и тебе-то беда будет. И тебя к ответу". "Господи! говорю. Да я-то при чем с ней? Ведь не пятилетняя, говорю, она, на руках мне носить да караулить ее". Горе страшное взяло меня, так-то мне тяжело да тошно, сил моих нет. И горько-прегорько заплакала я. Она и идет.

"Побойся ты Бога; что, говорю, надурила ты? Ну виданное ли дело? Ведь и вправду говорят: в сумасшедший дом тебя засадят. Да и меня-то, горькую, за дурь-то твою так не оставят". "Не была, говорит, в нем сроду да и не буду. А так надо. Ничего и не будет". "Да, говорю, говори".

Вот как все совершилось: едет от службы Владыка на дрожках, а моя-то разумница на дороге сидит (и когда успела?), яйца катает, как раз после Пасхи вскоре все это было. Владыка-то, видно, хоть и послушал протоиерея-то, да не был покоен, потому что (что правду-то таить?) не по-Божьему сделал дело-то. Увидел Пелагею Ивановну, видно, обрадовался и думал, не успокоит ли она его совесть; слез с дрожек-то, подошел к ней, просфору вынул. "Вот, говорит, раба Божья, тебе просфору моего служения". Она молча отвернулась; ему бы и уйти; видит не ладно, прямое дело. Кто им, Блаженным-то, закон писал? На то они и Блаженные. А он, знаешь, с другой стороны зашел и опять подает. Как она это встанет, выпрямится, да так-то грозно, и **ударила его по щеке** со словами: "Куда ты лезешь?" Видно, правильно обличила, потому что Владыка не только не прогневался, а смиренно подставил другую щеку, сказавши: "Что ж? По Евангельски, бей и по другой".

"Будет с тебя и одной", отвечала Пелагея Ивановна; и как бы ничего не сделала, словно не до нее дело, а так надо, опять стала яйца катать.

Уехал Владыка; а мать-то Пелагеи Ивановны, Прасковья Ивановна, услышав всю эту историю-то в Арзамасе, перепугалась, приехала к нам и говорит мне: "В сумасшедший дом, говорят, засадят; и вам-то с ней беда, говорит, будет. Ее-то мне уж, говорит, не жаль. Слышанное ли дело? Что наделала! Бог с ней; туда ей и дорога; а вот вас-то, голубушка вы моя, уж больно жаль. За нею, за дурую, ходила да работала". Все это молча слушала Пелагея-то Ивановна да на эти ее слова-то и сказала: "Сроду там не была да никогда вовек и не буду. Ничего не будет".

Что же? Ничего и вправду не было, а еще Владыка-то, бывало, так почитает ее, что всегда справлялся, жива ли она. И что еще? Присылал ей и свое благословение, и от нее просил себе Святых молитв ее, даже и просфору раз со странником прислал ей и еще что-то в гостинец. Видно, уразумел он, что не по-Божески поступил он и что справедливо, хотя безбоязненно и дерзновенно обличила его блаженная раба Христова». **Дивная Старица Прасковья Семеновна**, исполнившая заповедь Царицы Небесной и Батюшки о. Серафима, обличившая всех причастных к неправильному решению участи Дивеева, ждала теперь, согласно предсказанию Великого Старца, дня своей кончины. Она после отъезда преосвященного Нектария прожила еще 9 дней, не принимая никакой пищи, кроме воды из источника о. Серафима и изредка чаю. Дважды она исповедовалась, особоровалась и приобщалась Св. Тайн. Когда духовник о. Василий Садовский прочитал ей отходную, то старица трижды сказала: «Покорно благодарю, Батюшка!» Она скончалась 1 июня, в праздник Вознесения Господня, в 11 ч. вечера.

Вскоре после похорон начальница Лукерья Занятова поехала в Нижний Новгород к преосвященному Нектарии и, между прочим, доложила ему о смерти старицы Прасковьи Семеновны. Как свидетельствовала Лукерья Васильевна, Владыка, услышав это, испугался, три часа был в исступлении, не мог говорить, и когда пришел в себя, то произнес: «Великая раба Божия она!» - страницы 625-653.